

Пантелей Чертолов

**Кинцуги
для
Онейрофага**

18+

Пантелей Чертолов

Кинцуги для Онейрофага

<https://litres.ru/73123343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кинцуги для Онейрофага это мистический триллер, перенесенный в сердце современного мегаполиса. Это история о том, что самое страшное не забыть. Самое страшное позволить стереть себя, не оставив даже шрама. А самое опасное и прекрасное попытаться склеить разбитый мир, сделав его трещины драгоценными.

Содержание

Кислота и тень	4
Бодрствующие	10
Гидрология тишины	19
Фундамент из снов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пантелей Чертолов

Кинцуги для Онейрофага

Город – это не дома и улицы. Это сгусток снов его обитателей, тяжёлый, как ртуть, и ядовитый, как забытое преступление.

Кислота и тень

Если бы меня спросили, чем пахнет память, я бы ответил: медной кислотой.

Не той, что в батарейках или в лабораториях. А особой, бледно-голубой, почти невесомой жидкостью, которой я осторожно, ватным тампоном на пинцете, отбеливаю рыжие пятна времени на бумаге. Каждое такое пятно – это следы железа, оставшегося от чернил, это ржавчина, разъедающая строку. Кислота вступает с ней в тихую войну, оставляя после себя только чистую, чуть шершавую бумагу и едкий, колючий запах – запах уничтоженной гнили. Запах моего ремесла.

Я, Илья Рубцов, этим и занимаюсь: возвращаю словам их подлинность. Удаляю следы. Сшиваю разрывы. Препарирую тягучее время.

Тот день начался с этого запаха. Я работал над подшив-

кой «Петербургской газеты» за 1913 год. Листок был в ужасном состоянии: хрупкий, как осенняя паутина, с выцветшими буквами и огромным пятном от чашки, похожим на коричневую луну. Я нанес кислоту, наблюдая, как рыжина отступает, будто испуганная. И в этот момент зазвонил дверной звонок моей мастерской-квартиры.

Это был Филимон Филимонович, антиквар с Литейного. Человек, похожий на сухую, изящную мышь в дорогом пенсне. Он держал в руках не папку, а картонную коробку из-под «Аленки», перевязанную бечевкой.

– Илья, голубчик, – прошептал он, оглядываясь, будто в моей пустой, заставленной стеллажами прихожей могли быть подслушивающие устройства. – Тебе. Только тебе. Нашли в «старом доме» на Чкаловском. При разборе подвала. Стена была фальшивая, а за ней ниша. И это.

Он поставил коробку на стол, рядом с склянками с реактивами. От нее пахло сыростью подземелья, спрессованной пылью и чем-то еще сладковатым, забытым, как запах высохшей елки через год после праздника.

– Институт Сновидческой Гигиены, – еще тише сказал Филимон Филимонович и поправил пенсне. – Существовал недолго, в двадцатые. Потом архив, потом склад. Теперь элитное жилье. Строители наткнулись. Думали, золото. А это... бумаги. Но ты посмотри. Посмотри. – Что за «старый дом»? – спросил я, вытирая руки о холщовый фартук.

Он развязал бечевку и снял крышку.

Внутри лежала стопка. Не книги, не папки. А просто листы, сваленные комом, будто их в спешке сгребла в охапку чья-то рука. Бумага разная: оберточная, линованная, клочки промокашки, даже кусок обоев с блеклым геометрическим узором. Все это было поражено плесенью, слиплось, по краям превратилось в труху. Но в центре каждого листа текст. Или не совсем текст.

Я взял пинцетом верхний клочок. Это была страница из школьной тетради в клетку, пожелтевшая до цвета чая. Чернила не типографские, а рукописные, фиолетовые, выцветшие. Но не это было странно. Были странны слова. Они не складывались в связный рассказ. Это были обрывки фраз, цифры, схемы, напоминавшие то ли химические формулы, то ли чертежи. А между строк рисунки. Небрежные, сделанные тем же пером. Глаза. Бесконечные спирали. И что-то похожее на поперечный разрез человеческого черепа, из которого растет кристаллическая решетка.

– Дневник, – сказал Филимон Филимонович. – Чей-то дневник. Доктора Ф. Инициал только один. Больше ничего. Нужно спасать, Илья. Это... это может стоить.

Я понимал, что «стоять» для него означало деньги. Для меня же это означало вызов. Такой комок гнили, страха и тайн – самая сложная работа. Нужно было разделить листы, не уничтожив их, очистить, укрепить, сделать читаемыми. Алхимия в чистом виде: превратить тлен в знание.

– Оставьте, – кивнул я. – Буду разбираться.

Когда Филимон Филимонович ушел, я долго сидел над коробкой. Вечернее солнце, пробиваясь сквозь пыльное окно моей мастерской, легло на обои с геометрическим узором. И тут я увидел.

Чернила на том листе изменились. Под косым лучом света проявились другие слова, написанные каким-то невидимым составом. Светло-коричневые, как чай, они проступали поверх фиолетовых записей. Я замер, затаив дыхание. Тень моей руки упала на бумагу и проявившиеся слова начали бледнеть, растворяться.

Они реагировали на свет.

Сердце заколотилось с немой, тяжелой силой. Я осторожно подвинул лист в тень. Слова, бледные, но четкие, вернулись. Я не мог разобрать их целиком, но одно бросилось в глаза, будто выжженное:

«...кормление Онейрофага прекратить... фаза насыщения... субъект „Гроза“ проявляет резистентность...»

Онейрофаг. Слово, которого я не знал. Оно висело в воздухе, тяжелое и незнакомое. А «Гроза»... Почему-то по спине пробежал холод. Мое второе имя, данное в честь деда, которого я никогда не видел. Просто совпадение. Должно быть.

Я отложил пинцет. Руки дрожали. Внезапно я почувствовал невероятную усталость, будто целый день таскал мешки с цементом. Запах из коробки стал гуще, слаще. Он напомнил мне не елку, а лампадное масло в пустой церкви.

Решив, что это игра воображения и усталость от паров

кислоты, я накрыл коробку крышкой, убрал в темный шкаф. Проветрил комнату. Но запах въелся в одежду, в волосы.

В ту ночь мне приснился сон.

Не кошмар. Кошмар имеет логику, пусть и искривленную. Это было иное. Я стоял в кабине лифта своей же многоэтажки. Все было как всегда: зеркальные стены, панель с кнопками, мягкий электронный голос, объявляющий этажи. Но когда лифт тронулся с семнадцатого, где я живу, он не стал замедляться на шестнадцатом. Он пролетел его, потом пятнадцатый, четырнадцатый... Набор скорости отдавал в живот неприятной тяготой. Я в панике стал жать на кнопку «Стоп». Не работало. Зеркала вокруг отражали мое лицо, бледное, искаженное недоумением, снова и снова, уходя в бесконечный туннель.

А потом свет погас. И лифт провалился.

Не в шахту. Он падал сквозь темноту, которая была не черной, а серой, плотной, как бумажная масса. И через несколько секунд, или часов – время умерло – он плавно остановился. Двери со скрипом разъехались.

Передо мной был город. Но не мой. Затопленный. Серые здания, похожие на довоенные, с облупленной штукатуркой и слепыми окнами, стояли по пояс в черной, неподвижной воде. Небо было низким, свинцовым, без солнца, но откуда-то сверху лился рассеянный мертвый свет, в котором не было теней. В центре этого беззвучного апокалипсиса зияла огромная, идеально круглая черная дыра. Заводской ка-

рьер, заполненный водой темнее ночи. Она была не просто черной. Она была зеркальной. И в этом зеркале, искаженно и пугающе огромно, отражалось не небо, а фасад моего же дома.

Я проснулся с криком, который застрял у меня в горле. Я лежал в своей постели, в полной темноте. Сердце стучало, как отбойный молоток. Рот был сухим, а в ноздрях...

В ноздрях, сквозь запах пыли и старого паркета, четко, неумолимо витал сладковатый, удушливый запах лампадного масла и медной кислоты.

Я встал, подошел к окну. Город спал, подсвеченный оранжевым светом фонарей. Все было на своих местах. Знакомо, прочно, незыблемо.

Но я знал. Я помнил вкус и цвет той воды во сне. И понимал, что с этой ночи что-то сломалось. Не во сне. Во мне. Тонкая пленка, отделявшая Илью Рубцова, реставратора, от того, что было под ней, дала трещину. И из трещины, медленно и неотвратимо, как те самые чернила на свету, начало проступать нечто иное.

Моя работа всегда заключалась в том, чтобы зашивать разрывы. Но что делать, если разрыв проходит через самое сердце твоего мира? Сквозь сон и явь? Сквозь запах кислоты и запах тлена?

Я не знал. Я только чувствовал, как в тишине комнаты начинает звучать тихий, настойчивый шелест незнакомых и перелистываемых страниц.

Бодрствующие

Три дня я не прикасался к коробке. Я пытался заниматься обычными делами: реставрировал переплет «Саги о Форсайтах», выводил пятна со служебной записки какого-то губчекиста 1921 года. Но пальцы не слушались. Они привыкли читать историю через прикосновение, а теперь, коснувшись бумаги, выискивали не разрывы и пятна, а ту самую странную, сладковатую сырость. Ее не было. Но она мерещилась.

Сон не повторялся. Вместо него пришла бессонница – не тревожная, а пустая, как тот затопленный город. Я лежал и смотрел в потолок, где трещины в штукатурке складывались в знакомые узоры: спираль, глаз, кристаллическую решетку из черепа. Я закрывал глаза и видел их на внутренней стороне век.

На четвертый день я не выдержал. Достал коробку. Не включая яркий свет настольной лампы, при тусклом утреннем свете из окна, я пинцетом извлек тот самый лист с обоями.

«...кормление Онейрофага прекратить... фаза насыщения... субъект „Гроза“ проявляет резистентность...»

Резистентность. Устойчивость. Значит, был кто-то «Гроза», кто сопротивлялся «кормлению». Кормлению чего? Этого... Онейрофага.

Я перевернул хрупкий лист. На обороте, в самом низу,

мелким, исступленным почерком было написано фиолетовыми чернилами:

«Базальтовая крошка не удерживает. Переход в стадию автономного цикла. Бодрствующие правы. Институт лишь фасад. Истинный резервуар – городская психика. Метроном стучит в такт сердцу. Найти Ритм-Машину. М. помогает.»

И ниже, почти в уголке, схематично нарисовано что-то вроде метронома, но стрела его упиралась не в шкалу, а в стилизованное человеческое сердце, от которого расходились волны. И подпись: О.О.

Орфики Остров? Аббревиатура? Инициалы?

М. помогает. Кто М.? И кто такие «Бодрствующие»?

В тот момент в моей голове что-то щелкнуло. Не озарение, а скорее сдвиг, как когда неправильно сложенная головоломка вдруг под давлением обретает новую, уродливую форму. Я отложил пинцет. Мне нужны были не инструменты реставратора. Мне нужен был исследователь. Архивариус безумия.

Я сел за компьютер. Поиск по «Институту Сновидческой Гигиены» выдал лишь пару сухих строчек в справочнике по истории науки: «Основан в 1924 г., изучал влияние гипноза и сна на производительность труда. Расформирован в 1929 г. в связи с реорганизацией сети научных учреждений». Ни доктора Ф., ни Онейрофага, ни Бодрствующих.

Тогда я начал искать иначе. Не по официальным названиям, а по обрывкам. «Метроном и сердце». «Ритм-машина». «Базальтовая крошка удержание снов».

Последний запрос привел меня в глубины одного полузаброшенного форума, посвященного городским легендам, конспирологии и паранауке. Там, среди бреда о полтергейстах в хрущевках и НЛО над теплоэлектростанцией, я наткнулся на ветку десятилетней давности. Заголовок: «Институт, который усыплял районы».

Автор, под ником Stalker-74, писал корявым, но на удивление образным языком:

«Знакомый дед, бывший санитар, болтал, что в конце 20-х возле Чкаловского проспекта был не институт, а спецлаборатория НКВД. Якобы выявляли «неблагонадежных» через сны. В подвале стояла «маятниковая комната». Говорил, стены там были обшиты базальтовой ватой (дед называл «крошкой») для полной тишины. А в центре – огромный метроном, как применяемый в гипнозе. Но не для усыпления одного, а наоборот для «пробуждения» чего-то в толпе. Дед слышал термин «Бодрствующие». Это, мол, те, кого эксперимент не усыпил, а навсегда разбудил для «другой» реальности. Они сбежали или их утилизировали. После этого лабораторию замуровали. Дед в 90-е помер, документов нет. Но базальтовую вату там и правда находили, когда сносили старый корпус в 2003-м.»

*«Stalker-74, ваш дед был ближе к истине, чем думает. Базальт не просто изолятор. Это камень вулканический, камень подземного огня. В алхимии символ фиксации всего летучего. Они не изолировали звук. Они пы-

тались изолировать явление. Им это не удалось. Бодрствующие никуда не сбежали. Они наблюдают. Контакт: archive.conscious@protomail.ru»*Под постом было несколько насмешливых комментариев и один, последний по времени, от года назад, от пользователя Архивариус:

Почта выглядела как одноразовый ящик. Руки вспотели. Я написал короткое письмо, без лишних деталей: «Интересуюсь историей Института Сновидческой Гигиены. Нашел упоминания о Бодрствующих и базальтовой крошке. Могу предоставить артефакты для атрибуции».

«Склад №5, во дворе бывшей фабрики «Красный Октябрь». 21:00. Принести источник. Придите одни. Свет фонаря – зеленый фильтр.» Ответ пришел через два часа. Сухой, без приветствий:

Это было безумием. Ехать ночью в заброшенное место на сомнительную встречу. Но под ребрами горел холодный, острый комок любопытства, сильнее страха. Я чувствовал, что двигаюсь не по своей воле, а будто меня ведут за ниточку, привязанную к той самой трещине в реальности. Я был реставратором. Моя работа спасать свидетельства. А это свидетельство могло спасти меня от нарастающего собственного безумия.

В 20:45 я стоял у ржавых ворот склада №5. В руках дипломат с листом из коробки, упакованным в прозрачный музейный полиэтилен. В кармане старая LED-лампа с куском зеленого пластика от театрального фильтра, наспех прикле-

енным скотчем.

Двор был пуст. Луна пряталась за облаками. От кирпичных стен пахло мочой, перегаром и вековой сажей. Я включил фонарь. Призрачный зеленый луч разрезал темноту, превращая мир в негатив подводного царства.

Из-за угла, беззвучно, вышли трое. Не похожие на бандитов или сумасшедших. Они были... нормальными. Слишком нормальными для этого места.

Третий – молодой парень, тщедушный, с горящими глазами, в потертой куртке с капюшоном. Он нервно потирал пальцы, будто лепил невидимую глину. Первый – мужчина лет сорока, в очках в тонкой металлической оправе, в аккуратной ветровке. Лицо усталое, умное. Программист, учитель, бухгалтер. Вторая – пожилая женщина, с прямой спиной, в темном пальто и платке. Ее лицо было похоже на пергамент, испещренный линиями воспоминаний.

– Илья Рубцов, – сказал мужчина в очках. Не спрашивая. – Я, Лев. Это Маргарита Петровна. А это – Скульптор. Вы принесли дневник Фаддея?

Я кивнул, не спрашивая, откуда он знает мое имя. Открыл дипломат. В зеленом свете фонаря проявившиеся коричневые слова на листе обоев казались черными, живыми.

– Его почерк, – прошептала она. – Фаддей Фаддеич Фирсов. Заведующий лабораторией фантомных материй. Он был... идеалистом. Думал, что может очистить сон от скверны, как хирург вырезает опухоль. Он не понял, что скверна

не в снах, а в нас. В тех, кто их видит. Маргарита Петровна сделала шаг вперед. Она не надела перчаток, просто поднесла лист близко к своим старым, выцветшим глазам.

– Что такое Онейрофаг? – спросил я, и мой голос прозвучал хрипло в тишине двора.

– Метафора. И не только. Это имя, которое Фирсов дал гипотезе. Если мысли и страхи энергия, то их можно собрать, сконденсировать в некую... сущность. Латентную. Он хотел создать прибор – Ритм-Машину – чтобы эту сущность «настраивать», делать полезной: усиливать трудовой энтузиазм, гасить панику. Но... – Лев поправил очки. – Он ошибся в материале. Базальтовая крошка должна была служить изолятором, кристаллической решеткой для удержания фантома. Но базальт камень огня и земли. Он не изолирует. Он проводит. И он питается. Институт стал не станцией очистки, а громоотводом. Или, точнее, сточной канавой. Туда стекалось все самое темное, невысказанное, подавленное. Страх репрессий. Тоска по убитым мирам. Отчаяние новой веры. И все это копилось. Конденсировалось. Онейрофаг перестал быть гипотезой. Он стал автономным. Паразитом, живущим в подземных коммуникациях города, в его бессознательно-м. Лев тяжело вздохнул.

– А «Бодрствующие»? – спросил я.

– Мы, – просто сказал Скульптор, и в его голосе впервые прозвучала гордость. – Те, кого эксперимент Фирсова не усыпил, а... обострил. Мы видим трещины. Слышим шепот

стен. Мы система раннего оповещения. Он спал почти сто лет. Но сейчас... – он посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то похожее на жалость. – Сейчас его кормят лучше, чем когда-либо. Ипотека, цифровое одиночество, вечный страх опоздать, отстать, не соответствовать. Вежливая, тихая паника. И он просыпается.

– Что значит «субъект «Гроза»? – выдавил я. – И что за «О.О.»?

– «Гроза» – это кодовое имя самого стойкого испытуемого. Того, кого не удалось «настроить». Его личность в архивах стерта. А «О.О.»... – она обменялась взглядом с Львом. – Орфилов Остров. Или «Ось Отражения». Место, где Ритм-Машина, по замыслу Фирсова, должна была быть «заземлена». Точка соединения. Где сон становится явью, а явь – сном. Затопленный карьер. Ты его уже видел, да? Маргарита Петровна медленно подняла на меня глаза.

От ее слов у меня похолодела спина. Они знали. Они знали о моих снах.

– Он возвращается, – тихо сказал Лев. – Фирсов. Его сознание не умерло. Оно растворилось в том самом поле, которое изучал. И теперь оно ищет проводника. Того, кто умеет работать с хрупкой материей, сшивать разрывы. Реставратора.

– Почему я? Я отступил на шаг. Зеленый свет фонаря дрогнул.

– Потому что ты уже в процессе, Илья, – сказала Марга-

рита Петровна с печальной нежностью. – Потому что дневник нашел тебя. Потому что ты видишь Остров. Ты не просто нашел артефакт. Ты стал частью ритуала, который никогда не прекращался.

– Тише. Внезапно Скульптор вздрогнул и прислушался.

Мы замерли. Из темноты, из-за кирпичных стен, из самой земли, донесся едва уловимый звук. Не звук. Его отсутствие. Глухая, давящая тишина, которая была громче любого шума. И в этой тишине появился равномерный, механический тик-так. Как будто огромный метроном отсчитывал секунды где-то глубоко под нами.

– Он проверяет связи, – прошептал Лев. – Идет поиск резонанса.

Зеленый свет моего фонаря вдруг погас. Не сели батарейки. Он просто умер, будто его проглотила темнота. Во дворе воцарилась абсолютная чернота.

И тогда я увидел. Напротив, на слепой кирпичной стене склада, проступило слабое свечение. Бледное, фосфоресцирующее. Оно складывалось в узор. Сначала спираль. Потом глаз. Затем схематичный чертеж Ритм-Машины из дневника.

ИЛЬЯ.А потом моё собственное имя, написанное тем же коричневым, чайным почерком, что и слова Фирсова.

Тиканье метронома нарастало, сливаясь с бешеным стуком моего сердца. Они бились в унисон.

– Базальт. Держи при себе. Он не изолирует. Но он... на-

поминает земле, что ты часть ее. Не дай ритму увлечь тебя полностью. Маргарита Петровна сунула мне в руку что-то холодное и твердое. Кусок камня. Шершавый, пористый.

— Завтра, — торопливо сказал Лев, хватая меня за локоть и направляя к выходу. — Библиотека на Бассейной. Третий этаж, фонд местного краеведения. Ищи книгу «Гидрология городских карьеров». Там будет... следующая подсказка. Теперь ты в игре, Рубцов. Игра на пробуждение.

Я выбежал за ворота, не оглядываясь. За спиной тиканье метронома постепенно стихло, растворившись в городском гуле. Но в ушах оно звенело тишиной.

В кармане я нервно сжимал кусок базальта. Он был холоден, как кость земли. И пах не сыростью и не временем.

Он пах пеплом.

И я понимал, что ничего не понимаю. Но маршрут был задан. Мне оставалось только идти. Или бежать.

Гидрология тишины

Библиотека на Бассейной была тем типом учреждений, которые город будто забыл стереть с лица земли. Мраморная лестница, потрескавшаяся, как старый лак; запах пыли, смешанный с ароматом дешевого чая из буфета на первом этаже; и тишина не благоговейная, а сонная, густая, будто воздух здесь сам состоял из спрессованных, не прочитанных никем слов.

Я поднялся на третий этаж. «Местный краеведческий фонд» оказался рядом с туалетом, от которого тянуло хлоркой и сыростью. Полки стояли под потолок, заставленные серыми папками, переплетами диссертаций и пухлыми томами с облупившимися корешками.

Книга «Гидрология городских карьеров. Сборник материалов экспедиции 1978 г.» нашлась быстро. Она была на удивление новой – переплет из дешевого дерматина, страницы желтые, но целые. Я устроился за одним из столов, подальше от единственного библиотекаря пожилой женщины, взявшей что-то из серой пряжи и равнодушно наблюдавшей за мной сквозь очки.

Я открыл книгу. Сухой научный язык: «Карьер «Глубокий»... техногенный водоем... уровень грунтовых вод...». Фотографии мутной воды, поросших бурьяном отвалов. Ничего примечательного. Разочарование начало подкрадывать-

ся холодными мурашками по спине. Может, Лев просто сбил меня с толку?

И тут, почти в конце книги, между страницами о анализе донных отложений, я нашел вкладной лист. Это была не страница из книги, а ксерокопия. Старая, нечеткая. На ней рукописная схема. Узнаваемая схема: поперечный разрез того самого затопленного карьера из моего сна. Но с пометками. Стрелками, цифрами. И в центре черного зеркала воды было нарисовано нечто, напоминающее антенну или мачту, уходящую вглубь. Подпись: «Проект «Отражение». Точка О.О. Вариант установки ритм-синтезатора».

Мое сердце екнуло. Это была она. Ритм-Машина. Или то, что от нее должно было остаться.

Я вытащил из внутреннего кармана куртки базальтовый камень. Прижал его холодную шершавость к ладони. «Напоминает земле, что ты ее часть». Что это вообще значит?

– Интересное чтение.

Голос прозвучал прямо у моего уха. Тихий, женский, с легкой, едва уловимой хрипотцой. Я вздрогнул так, что едва не уронил книгу.

Рядом стояла девушка. Лет двадцати пяти. Темные, почти черные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Лицо – не красота, а выразительность: острый подбородок, широкий рот, глаза цвета старого янтаря, которые сейчас смотрели на меня с любопытством и легкой насмешкой. На ней была темная водолазка, потрепанная

кожанка и через плечо объемная сумка, из которой торчали папки и тубус для чертежей.

– Простите, я не хотела напугать, – она кивнула на книгу.
– Просто редко тут кого-то вижу, кроме пенсионеров и студентов, списывающих курсачи. А «Гидрологию карьеров»... Это сильно.

– Работа, – буркнул я, инстинктивно прикрывая ладонью ксерокопию. Ее присутствие выбивало из колеи. Она была слишком... живой для этого места призраков и полутонов.

– Работа, – повторила она, присаживаясь на соседний стул без приглашения. Ее движения были плавными, уверенными. – Понятно. А я Алиса. Архитектор. Вернее, пытаюсь им быть. Ищу старые планы районов для дипломного проекта. Хочу спасти пару домов от сноса. Безнадежное дело, но что поделать. – Она улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались лучики морщинок. – А вы кто? Шпион из администрации? Ищете, где бы еще один карьер выкопать?

Шутка была глупой, но от нее что-то дрогнуло внутри меня, какой-то лед. Я не улыбнулся, но напряжение чуть спало.

– Илья. Реставратор. Бумаги, книги – моя страсть.

– О, – ее глаза вспыхнули искренним интересом. – Значит, вы тоже имеете дело с призраками. Только ваши призраки на бумаге. Мои в кирпиче и штукатурке.

«Вы даже не представляете, насколько верно», – подумал я.

– Что именно ищете в гидрологии? – спросила Алиса, на-

клоняясь к книге. От нее пахло кофе, древесным углем (карандашным?) и чем-то свежим, вроде дождя.

Мозг лихорадочно искал оправдание. «Ищу подтверждение своим кошмарам и связь с полумифическим институтом, который пытался материализовать страх» – не катило.

– Контекст, – выдавил я. – Реставрирую один дневник. Там упоминаются места. Хочу понять, реальны ли они.

– Покажете? – спросила она прямо.

Я уставился на нее. Она была навязчива, непредсказуема и нарушала все правила моего затворнического существования. И почему-то я не хотел, чтобы она уходила.

– Это... конфиденциально, – сказал я слабо.

– А, секреты, – Алиса кивнула, как будто это было самое естественное дело на свете. – Уважаю. Ну, тогда удачи с карьерами. – Она собралась встать.

И вдруг я не выдержал. Одиночество последних дней, давление тайны, леденящий ужас от встречи со «Бодрствующими» – все это требовало выхода. Хоть щели. Хоть в виде этого странного, земного человека.

– Подождите, – сказал я, и мой голос прозвучал хрипло. Я осторожно отодвинул ладонь, открыв ксерокопию. – Вот. Что вы об этом думаете?

– Схема. Старая. Самодельная. Видите штриховку? Это не геологическая, это... конструкционная. Тут обозначена не просто точка, а фундамент. Опорная конструкция. И эта «мачта»... – Она провела пальцем по изображению. Ее палец

был длинным, изящным, с коротко подстриженными ногтями, в черной краске. – Она не просто стоит. Она заякорена. Уходит глубоко в дно. Почти как буровая вышка, только тонкая. И эти отметки... – она прищурилась. – Это не глубина. Это уровни. Как этажи. Подводные этажи. Алиса снова села, внимательно всмотрелась. Ее насмешливость испарилась, сменившись профессиональным интересом.

Меня бросило в жар. Подводные этажи. Как лифт, проваливающийся сквозь этажи в воду.

– Вы знаете, где это? – спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Карьер «Глубокий». Он на старых картах есть. Сейчас это часть промзоны, все застроено складами, подъезды перекрыты. Но... – она посмотрела на меня своим янтарным взглядом. – Я как раз делала обмеры в том районе. Там есть бункер времен войны. И от него, по слухам, был ход к воде. Завален, конечно. Вы что, собрались именно туда? Алиса задумалась.

В ее голосе прозвучало не осуждение, а азарт. Азарт первооткрывателя.

– Мне нужно увидеть, – честно сказал я. – Это важно.

– Вот адрес бункера. И мой номер. Если решитесь на экспедицию – позовите. У меня есть фонари, карты и здоровая доля безрассудства. Архитектор должен знать город не только сверху, но и снизу. – Она встала. – И, Илья? Она изучающе смотрела на меня секунд десять. Потом вдруг полезла в

свою сумку, вытащила блокнот в черной кожаной обложке, быстрыми штрихами что-то набросала на чистой странице и вырвала листок.

– Тот, кто рисовал эту схему... он был не инженером. Он был одержимым. Видите, как линии дрожат на изгибах? Это почерк человека, который боится того, что создает. Будьте осторожнее с призраками. Иногда они цепляются за реальность.— Да?

Она кивнула на прощание и ушла, ее шаги тихо затихли среди стеллажей.

Я сидел, сжимая в одной руке базальт, в другой листок с ее номером. На бумаге пахло ее духами – не сладкими, а горьковатыми, как полынь и дым. Противоядие от сладковатого тлена дневника Фирсова.

Я положил ксерокопию в книгу и понес ее к библиотекарше, чтобы сделать копию. Женщина отложила вязание, взяла книгу и медленно пошла к копировальному аппарату в углу. Проходя мимо окна, она на секунду замерла, глядя во двор.

– Вороны. Каждый день садятся на одно и то же дерево. И сидят. Смотрят на здание. Как будто ждут чего-то.— Снова птицы, – безразлично сказала она. – Какие птицы? – спросил я.

Я подошел к окну. Во дворе библиотеки росла старая, полусохшая береза. И на ее голых ветках, черными, неровными бусинами, сидели вороны. Штук двадцать. Они не каркали, не двигались. Они просто сидели, повернув головы в

сторону нашего окна. В сторону меня.

Холод пополз по спине. Базальт в кармане казался бесполезным куском камня.

Копия была готова. Я взял ее, сунул в папку. На прощание взглянул во двор. Вороны все так же сидели недвижимо. Только одна, самая крупная, медленно повернула голову, и ее блестящий черный глаз, казалось, встретился с моим взглядом.

Я вышел на улицу, надышанный пылью тишины. В кармане жгли два предмета: камень, напоминающий о земле, и клочок бумаги, пахнувший полынью и обещанием чего-то человеческого, простого. Любопытства. Возможно и больше.

Но над этим всем, тяжелой металлической гирей, висел вопрос: как Алиса появилась так вовремя? Случайность? Или «Бодрствующие» уже ввели в игру новую фигуру? Или... Онейрофаг начал проявляться не только в трещинах реальности, но и в сближении нужных людей в нужном месте?

Я посмотрел на номер в телефоне. Алиса. Имя, означающее «благородная». Или «истина».

В мире лживых снов и проступающих чернил, одна встреча с живой, земной одержимостью казалась чудом. И самым опасным соблазном из всех. Потому что теперь мне показалось было что терять.

Фундамент из снов

Сон, который пришел ко мне в ту ночь, не был погружением в затопленный карьер. Он начался с того, что я не спал.

Я лежал на своей кровати, смотрел на потрескавшийся потолок и знал, что бодрствую. Шум машин за окном был слишком детализированным: я различал скрип тормозов «Хёндэ», спортивный рокот какого-то «БМВ», отдаленный гул стройки. Запахи: пыль, едва уловимый газовый шлейф из кухни соседей, кислинка старого яблока на моем столе. Все было на месте. Все было очень реально.

И тогда стена напротив кровати растворилась.

Не обрушилась, не исчезла. Она просто перестала быть преградой, как занавес в театре, отдернутый беззвучной рукой. За ней не было ни соседней квартиры, ни кирпича, ни пустоты. Там был городской разрез.

Я видел, как подо мной, этажом ниже, семья ела ужин перед телевизором, мерцание экрана окрашивало их лица в синие тона. Еще ниже появилась пустая квартира с голыми стенами и одиноким стулом посередине. Еще дальше мастерская какого-то часовщика, увешанная тикающими механизмами. Всё в разрезе, как в кукольном домике со снятой стенкой. И так до самого фундамента, до сырого, темного подвала с паутиной и старыми ржавыми велосипедными рамами.

Но и это было не все. Между этажами, в бетонных пе-

рекрытиях, в пустотах кирпичной кладки, клубилось и медленно двигалось нечто. Не дым, не жидкость. Мыслеформа. Сгустки смутных опасений, обрывки забытых мелодий, призраки невысказанных обид. Они текли, как подземные реки, по заранее проложенным каналам: по трубам стояка, по электропроводке, по вентиляционным шахтам. Вся многоэтажка была пронизана этой скрытой циркуляцией, этой гидрологией души.

Мой взгляд, уже не подвластный телу, устремился дальше сквозь другие дома, сквозь асфальт, сквозь слои глины и истории. Я видел, как эти ручейки личных кошмаров и надежд сливаются в более мощные потоки под улицами, образуя подземные артерии. Они текли к центрам напряжения: к перегруженным метро в час пик, к бесконечным очередям в МФЦ, к пустым торговым центрам по будням. Там, в узлах этой сети, потоки закручивались в темные, медленные водовороты. И в самом глубоком из них, там, где когда-то был карьер «Глубокий», зияла та самая черная, зеркальная воронка. Ось Отражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.